

МЕМУАРЫ ЕКАТЕРИНЫ II — ОДНА ИЗ РАСКРЫТЫХ ТАИН САМОДЕРЖАВИЯ

Н. Я. Эйдельман

В середине сентября 1858 г. в Лондоне вышел и примерно через неделю проник в Россию двоянный 23—24-й номер герценовского «Колокола». На последней странице газеты было напечатано объявление: «Спешим известить наших читателей, что Н. Трюбнер издает в октябре месяце на французском языке: «Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle — même (1744—1758)»¹. Записки эти, давно известные в России по слухам и хранившиеся под спудом, печатаются в первый раз. Мы взяли меры, чтобы они тотчас были переведены на русский язык. Нужно ли говорить о важности, о необычайном интересе «Записок» той женщины, которая больше тридцати лет держала в своей руке судьбы России и занимала собою весь мир, от Фридриха II и энциклопедистов до крымских ханов и кочующих киргизов. В «Записках» описана молодость ее, первые годы замужества...»².

Уже через два месяца, 15 ноября 1858 г., 28-й номер «Колокола» известил читателей о том, что «Записки» вышли на языке подлинника — французском. Затем последовали русское, немецкое, шведское, датское, второе французское, второе немецкое издания. Секретные мемуары императрицы сделались всеобщим достоянием ровно через 100 лет после тех событий, которые в них описываются!

Обнародование «Записок» Екатерины II произвело потрясающее впечатление на российские власти. Оно казалось им более страшным, нежели вскрытие самых отвратительных злоупотреблений чиновников, описание самых ужасающих издевательств над крестьянами: ведь в данном случае говорилось не просто о плохих чиновниках и помещиках — «заряд» был направлен прямо в верховную власть. Прочитав мемуары императрицы, выдающийся французский историк Ж. Мишле писал А. И. Герцену: «Это с вашей стороны — настоящая заслуга и большое мужество. Династии помнят такие вещи больше, чем о какой-либо политической оппозиции»³.

Царственные особы, случалось, вели дневники, а иногда писали воспоминания, большей частью — малосодержательные и порою представляющие интерес лишь как доказательство ограниченности их авторов (Людовик XVI, Николай II). Впрочем, сохраняя откровенные записки представители правящих династий опасались: Мария Федоровна, жена Павла I, завещала своему сыну, Николаю I, сжечь несколько тетрадей с ее заметками. Были уничтожены и дневники императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I. Кроме дневников, существуют также записи монархов, предназначенные в назидание потомству. Этот род воспоминаний (первый русский образец — «Поучение Владимира Мономаха») всегда содержит интересные сведения, но недостаток его как исторического источника можно считать чрезмерную «заданность» темы в ущерб истине. Таковы «История моего времени» прусского короля Фридриха II и мемуары Наполеона, написанные на острове Святой Елены.

«Записки» Екатерины II в некотором отношении выгодно отличаются от перечисленных выше типов автобиографических документов. Главное отличие — незавершенность, незаконченность, неотделанность этих воспоминаний. На них не успел еще лечь слой чужа, усиливающего «блеск» и скрадывающего «неровности». Позднейшим исследователям будет нелегко разобраться в нескольких черновых и переписанных на бело-тетрадах, отдельных листах и лоскутках бумаги, составлявших личный архив Екатерины II. Лишь постепенно А. Н. Пыпин и Я. Л. Барсков, возглавившие в начале

¹ «Мемуары Екатерины II, написанные ею самой».

² «Колокол» № 23—24, стр. 200.

³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. IX. Пгтр. 1919, стр. 397.

XX в. академическое издание сочинений императрицы, нашли известную систему в этих рукописях. Выяснилось, что Екатерина II писала воспоминания более полувека — по существу, от прибытия своего в Россию (1744 г.) до самой смерти (1796 г.). Первый опыт автобиографии юной великой княгини отличался, по-видимому, характерным для XVIII в. стремлением к самопознанию, самовыражению. Сама Екатерина писала позже: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм: качество и характер будут большой посылкой; поведение — меньшей; счастье или несчастье — заключением. Вот два разительных примера: Екатерина II и Петр III»⁴. Стремление к самопознанию автора воспоминаний надо учитывать, анализируя их историю, хотя, разумеется, были более серьезные причины, управлявшие пером мемуаристки...

Если первые отрывки воспоминаний были уничтожены великой княгиней из страха (сохранился только один ранний набросок), то запискам императрицы уже ничто не угрожало. Наболевшее интенсивно Екатерина занималась своими мемуарами около 1771 г., а затем уже в последние несколько лет жизни. Узнав, что книготорговец Дидо упомянул об ее записках, Екатерина II 21 июня 1790 г. написала Гриму: «Я не знаю, что слышал Дидо о моих мемуарах, но в чем я уверена, — что они еще не написаны, и если это грех, — я должна извиниться»⁵. Исследователями выявлено семь редакций воспоминаний императрицы — иногда дополняющих, порой противоречащих друг другу. Самой полной редакцией оказалась четвертая (по нумерации А. Н. Пыпина и Я. Л. Барскова). Именно эта редакция, составленная в 1790-х годах⁶, и попала в свое время в руки А. И. Герцена. Екатерина II не успела окончательно отредактировать свои воспоминания, не успела смягчить «опасные места». Это обстоятельство, а также живой ум и несомненное литературное мастерство автора привели к созданию интересного источника по истории XVIII века «Записки», несомненно, самая ценная часть обширного литературного наследия Екатерины II. Вызванная особенностью жанра необычная искренность воспоминаний отнюдь не противоречила нескрываемому желанию императрицы оправдаться перед потомством. Одна из редакций воспоминаний посвящена интимному другу Екатерины баронессе Брюс⁷, другая — князю Черкасову. Наконец, наиболее полная редакция хранилась в пакете с надписью: «Его императорскому высочеству великому князю Павлу Петровичу, моему любезнейшему сыну»⁸.

Итак, «Записки» Екатерины II не были исповедью философа «наедине с собою и только для себя». В предисловии к герценовскому изданию «Записок» анонимный автор⁹ справедливо отмечал: «Цель их (записок) очевидна; это — потребность [...] оправдаться в глазах сына и потомства, которое должно оценить и побуждения и искренность этих признаний. Но невозможность полного оправдания как будто выражается в том самом, что мемуары не доведены до конца, ни даже до главной катастрофы» (подразумевается свержение Петра III).

Екатерине было в чем оправдываться, что обосновывать, от чего защищаться. Объявляя о своих «законных правах» на престол, она хорошо понимала их относительность (не случайно сначала Екатерина собиралась вступить на престол как регентша малолетнего Павла, но затем отказалась от этого намерения). Было вселирие обладательницы громадной империи — и страх перед новыми переворотами. Была победа над Пугачевым — и призрак Петра III, воскрешенный самозванцем. Была ненависть к французской революции 1789 г., свергнувшей «законного монарха», — и собственная «дворцовая революция» 1762 г., свергнувшая другого «законного монарха»¹⁰. Как известно, политика Екатерины II в главном вопросе русской жизни —

⁴ «Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного императорской Академией наук». СПб. 1907, стр. 203. В дальнейшем ссылки на мемуары Екатерины II будут заимствоваться из этого же издания, как самого полного. К сожалению, перевод с подлинника осуществлен в издании 1907 г. чересчур буквально, без должной литературной обработки текста. В некоторых случаях поэтому автор данной статьи внес в текст перевода незначительные изменения.

⁵ «Сборник Русского Исторического общества». Т. XXIII. СПб. 1878, стр. 484.

⁶ «Сочинения императрицы Екатерины II. На основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина». Т. XII. СПб. 1907, стр. 197—433.

⁷ Исследовательница мемуаров Екатерины О. Корнилович полагала, что это посвящение носило фиктивный характер.

⁸ «Сочинения императрицы Екатерины II». Т. XII, стр. 708.

⁹ Издатели академического собрания «Сочинений императрицы Екатерины II» ошибочно считали автором этого предисловия А. И. Герцена, в то время как оно принадлежало, по-видимому, перу П. И. Бартенева (см. об этом ниже).

¹⁰ В качестве примечания к «Запискам» Екатерины II А. И. Герцен использовал депешу французского посла Беранже о воцарении Екатерины II: «Что за зрелище для народа, когда он спокойно обдумает, с одной стороны, как внук Петра I (Петр III)

крестьянском — была достаточно определенной: незыблемое и все расширяющееся крепостническое угнетение миллионов людей. Однако политика «просвещенного абсолютизма» была известной маскировкой непривлекательной реальности, завесой лжи. На эту особенность екатерининского царствования обратил внимание А. С. Пушкин: «Екатерина уничтожила звание (справедливее, название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку — а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь...»¹¹. Объяснить, оправдать, растворить темную тайную историю в блеске явной, соединить самовластие с просвещением — для всего этого Екатерина предпринимала многое: говорила, писала и печатала. Для этого создавались и «Записки».

Комментаторы академического собрания сочинений Екатерины II справедливо отмечали, что она пользовалась во время работы адрес-календарями, старыми газетами и, вероятно, несохранившимися дневниковыми записями. Кроме того, многочисленные преднамеренные искажения истины, встречающиеся в «Записках», позволяют делать важные исторические наблюдения¹².

Перед читателем «Записок» открывается механизм русского самодержавия XVIII в., бесконечная цепь мелких придворных сплетен, каждая из которых может стать важным событием в жизни русских верхов того времени: обыкновенного кота назвали Иваном Ивановичем — в результате возникает дело об оскорблении фаворита Елизаветы Ивана Ивановича Шувалова; фрейлины шепчутся о государственных делах возле задремавшей императрицы и делают вид, что верят ее дремоте, а Елизавета делает вид, что дремлет, — и в итоге этого перекрестного двудеушения фрейлины, получая деньги от заинтересованных лиц, устраивают свадьбы, карьеры, чины.

Придворная жизнь, какой ее вспоминает Екатерина, подобна причудливой фантазмагории, где здравое и безумное смешивается в разных сочетаниях, легко переходя одно в другое: «Однажды, когда я вошла в покои его императорского высочества, я была поражена при виде здоровой крысы, которую он велел повесить, и всей обстановки казни среди кабинета, который он велел себе устроить при помощи перегородки. Я спросила, что это значило; он мне сказал тогда, что эта крыса совершила уголовное преступление и подлежит строжайшей казни по военным законам: она перелезла через вал картонной крепости, которая была у него на столе в этом кабинете, и съела двух часовых на карауле, на одном из бастионов, сделанных из крахмала, и он велел судить преступника по законам военного времени; великий князь добавил, что его легавая собака поймала крысу, и что тотчас же она была повешена, как я ее вижу, и что она останется, выставленная напоказ публике в течение трех дней для назидания. Я не могла удержаться, чтобы не расхохотаться над этим сумасбродством, но это очень ему не понравилось: он придавал всему этому большую важность. Я удалилась и прикрылась моим женским незнанием военных законов, однако он не переставал дуться на меня за мой хохот. Можно было, по крайней мере, сказать в защиту крысы, что ее повесили, но спросив и не выслушав ее оправданий. Во время пребывания двора в Москве случилось, что один камер-лакей сошел с ума и даже стал буйным. Императрица приказала своему первому лейб-медику Бургаву иметь уход за этим человеком; его поместили в комнату вблизи покоев Бургава, который жил при дворе. Случилось как-то, что в этом году несколько человек лишились рассудка; по мере того, как императрица об этом узнавала, она брала их ко двору, помещая возле Бургава, так что образовалась маленькая придворная больница умалишенных. Я припоминаю, что главными из них были: майор гвардии Семеновского полка по фамилии Чаадаев, подполковник Лейтрум, майор Чеглоков, один монах Воскресенского монастыря, срезавший себе бритвой причинные места, и некоторые другие. Сумасшествие Чаадаева заключалось в том, что он считал господом богом шаха Надира, иначе Тахмас-Кули-хана, узурпатора Персии и ее тирана. После того, как врачи не смогли излечить Чаадаева от этой мании, его поручили попам; эти последние убедили императрицу, чтобы она велела изгнать из него беса. Она сама присутствовала при этом обряде, но Чаадаев остался таким же безумным, каким, казалось, он был. Нашлись, однако, люди, которые сомневались в его сумасшествии, потому что он здраво судил обо всем, кроме шаха Надира. Его прежние друзья приходили даже с ним советоваться о своих делах,

был свергнут с престола и потом убит; с другой — как внук царя Иоанна (Иван Антонович) увязает в оковах, в то время как Ангалтская принцесса овладевает наследственной их короной, начиная царевубийством свое собственное царствование!» (см. А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах. М. 1954—1965. Т. XIV, стр. 372—373).

¹¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М. 1937—1949. Т. 11, стр. 16.

¹² Еще О. Корнилович обратила внимание на любопытные отличия в трактовке одних и тех же фактов в разных редакциях «Записок». Например, чем дальше, тем меньше Екатерина II предпочитает вспоминать о своем детстве, то есть о своем немецком происхождении. При этом чем дальше от времени, когда произошло событие, тем больше чисто «литературных» подробностей (см. О. Корнилович. Записки императрицы Екатерины II. Внешний анализ текста. Томск. 1912).

и он давал им очень здравые советы; те, кто не считал его сумасшедшим, приводили как причину этой притворной мании одно грязное дело, от которого он отделался только этой хитростью: с начала царствования императрицы он был назначен в податную ревизию, его обвинили во взятках, и он подлежал суду. Из боязни суда он и забрал себе эту фантазию, которая его и выручила»¹³.

Сообщения о балах, сплетнях, грязных интригах перемежаются с новостями о Семилетней войне. Здесь и официальная ложь, и правда, которую говорят на ухо, и невероятное искажение событий: «В августе месяце (1758 г.) мы узнали в Ораниенбауме, что 14-го было дано сражение при Цорндорфе, одно из самых кровопролитных за этот век, потому что каждая из сторон насчитывала более двадцати тысяч человек убитыми и пропавшими. Наша потеря в офицерах была значительна и превосходила 1 200. Нам объявили об этом сражении как о выигранном, но на ухо говорили друг другу, что с обеих сторон потери были равные, что в течение трех дней ни одна из армий не смела приписать себе выигрыша сражения, что, наконец, на третий день прусский король велел служить молебствие в своем лагере, а генерал Фермор (русский командующий) — на поле сражения. Горе императрицы и уныние всего города было велико, когда узнали все подробности этого кровавого дня, где многие потеряли своих близких, друзей и знакомых; долго слышны были сожаления об этом дне, много генералов было убито, ранено или взято в плен. Наконец, было признано, что генерал Фермор вел дела совсем не по-военному и без всякого искусства. Войско его ненавидело и не имело к нему никакого доверия. Двор его отозвал и назначил генерала графа Петра Салтыкова...»

Вот лучшее из возможных переложений «Записок» императрицы, сделанное А. И. Герценом в его предисловии к французскому изданию¹⁴. «При чтении этих страниц предугадываешь ее, видишь, как она превращается в то, чем стала впоследствии. Шаловливая четырнадцатилетняя девочка, причесанная на манер «Моисея», светловолосая, резвая, невеста малолетнего идиота — великого князя, — она уже охвачена тоской по Зимнему дворцу, жадной власти. Однажды, когда она сидела вместе с великим князем на подоконнике и шутила с ним, она вдруг видит, как входит граф Лесток, который говорит ей: «Укладывайте ваши вещи — вы возвращаетесь в Германию». Молодой идиот, казалось, не слыхом-то огорчился возможности разлуки. «И для меня это было довольно-таки безразлично, — говорит маленькая немка, — но далеко не безразличной была для меня русская корона», — прибавляет великая княгиня. Вот вам и будущая Екатерина 1762 года! Мечтать о короне в атмосфере императорского двора, впрочем, было вполне естественно не только для невесты наследника престола, но и для каждого. Колюк Бирон, певчий Разумовский, князь Долгорукий, плебей Меншиков, олигарх Вольтинский — все стремились урвать себе лоскут императорской мантии. Русская корона — после Петра I — была *res nullius*¹⁵ [...]. Ее положение в Петербурге было ужасно. С одной стороны, ее мать, сварливая немка, ворчливая, алчная, мелочная, педантичная, награждавшая ее пощечинами и отбиравшая у нее новые платья, чтобы присвоить их себе; с другой — императрица Елизавета, бой-баба, крикливая, грубая, всегда под хмельком, ревнивая, завистливая, заставлявшая следить за каждым шагом молодой великой княгини, передавать каждое ее слово, исполненная подозрений, — и все это после того, как дала ей в мужья самого нелепого олуха своего времени. Увидя в своем дворце, Екатерина ничего не смеет делать без разрешения. Если она оплакивает смерть своего отца, императрица посылает ей сказать, что довольно плакать, что «ее отец не был королем, чтоб оплакивать его более недели». Если она проявляет дружеское чувство к какой-нибудь фрейлине, приставленной к ней, она может быть уверена, что фрейлину эту отстранят. Если она привязывается к какому-нибудь преданному слуге, — все основания думать, что того выгонят [...]. Это еще не все. Постепенно оскорбив, осквернив все нежные чувства молодой женщины, их начинают систематически развращать [...].

Самое важное в этой публикации для российского императорского дома — доказательство того, что не только дом этот не принадлежит к фамилии Романовых, но даже и к фамилии Гольштейн-Готторпских. Признание Екатерины в этом смысле выражено совершенно отчетливо — отцом императора Павла был Сергей Салтыков [...]. При чтении этих «Записок» поражаешься тому, как постоянно забывалось одно — Россия и народ, — о них даже не упоминали. Вот черта, характерная для эпохи [...]. Зимний дворец с его административной и военной машиной представлял собой особый мир [...]. Подобно кораблю, державшемуся на поверхности, он вступал в прямые сношения с обитателями океана, лишь поедая их. То было государство для государства. Устроенное на немецкий манер, оно навязало себя народу, как завоеватель. В этой чудовищной казарме, в этой необъятной канцелярии царило напряженное оцепенение, как в военном лагере. Одни отдавали и передавали приказы, другие молча повиновались. В одном лишь месте человеческие страсти то и дело вырывались наружу, трепетные, бурные, и этим местом в Зимнем дворце был семейный очаг — не нации, а государства. За тройною цепью часовых, в этих тяжеловесно украшенных гостиных кипела лихорадочная жизнь, со своими интригами и борьбой, со своими драмами и трагедиями. Имен-

¹³ «Записки императрицы Екатерины Второй», стр. 342—344.

¹⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XIII, стр. 379, 384—386.

¹⁵ Ничей вещь (лат.).

но там ткались судьбы России, во мраке алькова, среди оргий — по ту сторону от доносчиков и полиции...»

Мемуары Екатерины II позволяют сделать ряд наблюдений о государственных переворотах в России. Кроме пяти «больших переворотов» 1725—1801 гг., целью которых была перемена императора, в XVIII в. происходило множество переворотов более мелких: смены и аресты министров, свержение фаворитов. Катаклизмы, аресты, заговоры стали естественной формой сколько-нибудь значительных перемен в государстве. Екатерина еще до востшествия на престол наблюдает эти порядки и не скрывает в «Записках» свое отрицательное к ним отношение. Вот как описывается типичный «малый переворот» — арест графа Лестока, имевшего большое влияние на государственные дела: «Когда состоялся брак графа Лестока с девицей Менгден, фрейлиной императрицы, ее императорское величество и весь двор присутствовали на свадьбе, и государыня оказала молодым честь посетить их. Можно было сказать, что они пользуются величайшим фавором, но месяц или два спустя счастье им изменило. Однажды вечером, во время карточной игры в покоях императрицы, я увидела там графа Лестока; я подошла к нему, чтобы поговорить; он мне сказал вполголоса: «Не подходите ко мне, я в подозрении». Я думала, что он шутит, и спросила, что это значит; он возразил: «Повторяю вам очень серьезно — не подходите ко мне, потому что я человек заподозренный, которого надо избегать». Я видела, что он изменился в лице и был очень красивый; я думала, что он пьян, и повернулась в другую сторону. Это происходило в пятницу. В воскресенье утром, причесывая меня, Тимофей Евреинов сказал мне: «Знаете ли вы, что сегодня ночью граф Лесток и его жена арестованы и отвезены в крепость как государственные преступники?» Никто не знал, из-за чего...»¹⁶

Локальным государственным переворотом было и дело канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (1758 г.), которому посвящена вся заключительная часть основной редакции «Записок». «Давно уже передавали друг другу на ухо, что кредит великого канцлера графа Бестужева пошатывался и что его враги брали верх. Он потерял своего друга, генерала Апраксина. Граф Разумовский-старший долго его поддерживал, но с преобладанием Шуваловых он ни во что почти не вмешивался [...]. Шуваловых и Михаила Воронцова возбуждали в их ненависти к великому канцлеру посылы — австрийский, граф Эстергази, и французский, маркиз де-Лопиталь. Этот последний считал графа Бестужева более склонным к союзу с Англией, нежели с Францией. Австрийский посол замыслил против Бестужева, потому что Бестужев не хотел, чтобы Россия, придерживаясь союзного договора с Венским двором, действовала в качестве первой воюющей стороны против прусского короля. Граф Бестужев думал как патриот, и им нелегко было вертеть, тогда как Михаил Воронцов и Иван Шувалов были до такой степени в руках у обоих послов, что за две недели до того, как впал в немилость великий канцлер Бестужев, французский посол де-Лопиталь отправился к вице-канцлеру Воронцову с депешей в руке и сказал: «Граф, вот депеша моего двора, которую я получил и в которой сказано, что если через две недели великий канцлер не будет вами отставлен от должности, то я должен буду обратиться к нему и вести дела только с ним». Тогда вице-канцлер разгорелся, отправился к Ивану Шувалову, и императрице представил, что слава ее страдает от влияния графа Бестужева. Императрица приказала собрать в тот же вечер конференцию и призвать туда великого канцлера. Последний велел сказать, что он болен; тогда назвали эту болезнь неповиновением и послали сказать, чтоб он пришел без промедления. Он пришел, и его арестовали в полном собрании конференции, сложили с него все должности, лишили всех чинов и орденов, между тем как ни единая душа не могла обстоятельно изложить, за какие преступления и злодеяния лишили всего первое лицо в империи. Его отправили под домашний арест. Так как это было подготовлено, то вызвали отряд гвардейских гренадеров. Эти последние, идя вдоль Мойки, где у графов Александра и Петра Шуваловых были свои дома, говорили: «Слава богу, мы арестуем этих проклятых Шуваловых, которые только и делают, что выдумывают монополии». Увидев, однако, что дело идет о графе Бестужеве, солдаты выказали неудовольствие по этому поводу, говоря: «Это не он, это другие дают народ»¹⁷.

Вместе с Бестужевым были арестованы ювелир Екатерины Бернарди, а также Аладуров, прежде обучавший ее русскому языку, и Елагин, друг Понятовского (близкого в то время к Екатерине). Великой княгине пришлось пережить немало неприятных дней. «Во время бала, — вспоминает она, — я подошла к маршалу свадьбы князю Никите Трубецкому и, под предлогом рассматривания лент его маршальского жезла, сказала ему вполголоса: «Что же это за чудеса? Нашли вы больше преступлений, чем преступников, или у вас больше преступников, нежели преступлений?» На это он мне сказал: «Мы сделали то, что нам велели, но что касается преступлений, то их еще ищут. До сих пор ничего найти не удалось». По окончании разговора с ним я пошла поговорить с фельдмаршалом Бутурлиным, который мне сказал: «Бестужев арестован, но в настоящее время мы ищем причину, почему это сделано». Так говорили оба главных следователя, назначенных императрицей, чтобы с графом Александром Шуваловым

¹⁶ «Записки императрицы Екатерины Второй», стр. 274.

¹⁷ Там же, стр. 429—430.

производить допрос арестованных»¹⁸. Граф Бестужев, сидевший под домашним арестом, сумел передать Екатерине записку, где сообщал, что «успел все бросить в огонь».

Далее в «Записках» рассказывается, что именно граф Бестужев успел сжечь. Несмотря на все попытки мемуаристки сообщить «полуправду» вместо истины, становится совершенно ясным, что существовал заговор, в котором были замешаны Бестужев и Екатерина¹⁹: «Болезненное состояние и частые конвульсии императрицы Елизаветы заставляли всех обращать внимание на будущее; граф Бестужев и по своему положению и по своим умственным способностям не был, конечно, одним из тех, кто об этом подумал последний. Он знал антипатию, которую внушили великому князю против него; он был весьма сведущ относительно слабых способностей этого принца, рожденного наследником стольких корон. Естественно, этот государственный муж, как и всякий другой, возымел желание удержаться на своем месте. Уже несколько лет он видел, что я освобождаюсь от тех предубеждений, которые мне против него внушили; к тому же он смотрел на меня лично, как на единственного, может быть, человека, на котором можно было в то время основать надежды общества в ту минуту, когда императрицы не станет. Это и подобные размышления заставили его составить план, по которому после смерти императрицы великий князь будет объявлен императором по праву, но в то же время я буду объявлена его соучастницей в управлении, при этом все должностные лица останутся, а ему, Бестужеву, дадут звание подполковника в четырех гвардейских полках и председательство в коллегиях иностранных дел, военной и адмиралтейской. Отсюда видно, что его претензии были чрезмерны. Проект этого манифеста он мне прислал написанный рукою Пуговичникова, через графа Понятовского, с которым я условилась ответить ему устно, что я благодарю канцлера за его добрые начет меня намерения, но что я смотрю на эту вещь, как на трудно исполнимую. Он заставил написать и переписать свой проект несколько раз, изменял его, пополнял, сокращал; казалось, он был им очень занят. По правде говоря, я смотрела на его проект как на пустую болтовню и на удочку, которую этот старик мне закидывал, чтобы приобрести себе все более и более мою привязанность, но на эту удочку я не клюнула, потому что я считала ее вредной для государства, которое терзалось бы от всякой домашней ссоры между мною и не любившим меня моим супругом. Но я не хотела противоречить старику с характером упрямым и цельным, когда он вобьет себе что-нибудь в голову. Этот-то свой проект он и успел сжечь, о чем он меня предупредил, чтобы успокоить тех, которые о нем знали».

Вскоре переписка, которую вел канцлер, находясь под стражей, открылась, Екатерина ждала для себя самых плохих последствий и жгла бумаги. Против Бестужева срочно составлялось обвинение «в оскорблении величества», но неповоротливая государственная машина не сумела провести дело с должной гибкостью и быстротой: «Первое, что господа следователи сделали, это предписали через коллегию иностранных дел послать, посланникам и русским чиновникам при иностранных делах прислать копии депеш, которые им писал граф Бестужев с тех пор, как он был во главе дел. Это было сделано для того, чтобы найти преступления в его депешах. Говорили, что он писал только то, что хотел и вещи, противоречащие приказаниям и воле императрицы. Но так как ее императорское величество ничего не писала и не подписывала, то трудно было поступать против ее приказаний; что же касается устных повелений, то ее императорское величество совсем не была в состоянии давать их великому канцлеру, который годами не имел случая ее видеть, устные же повеления через третье лицо, строго говоря, могли быть плохо поняты. Из всех этих предписаний в конце концов ничего не вышло, кроме приказа, о котором я упоминала, потому что, я думаю, никто из чиновников не дал себе труда просмотреть свой архив за двадцать лет и переписать его, чтобы выискать преступления того, инструкция и указания коего эти самые чиновники следовали, и таким образом могли оказаться замешанными, при всем их усердии, в том самом, что помогли бы открыть. Кроме того, одна пересылка таких архивов должна была ввести казну в значительные расходы, а по прибытии бумаг в Петербург было бы чем истощать терпение многим лицам в течение многих лет (в поисках того, чего в бумагах, может быть, вовсе и не было). Отправленный приказ никогда не был исполнен. Само дело надоело, и его кончили через год манифестом, который начали сочинять на следующий день после того, как великий канцлер был арестован».

Заключаящая мемуары сцена допроса Екатерины Елизаветой особенно примечательна. Подобные ситуации почти не фиксировались в секретных протоколах, а между тем — по логике самовластия — именно так и делались «главные дела»: с глазу на глаз, в интимных беседах высочайших особ. Вспоминая много лет спустя, Екатерина, разумеется, излагает события «с пристрастием», облагораживая свою роль и унижая Петра III (всячески проводится мысль, что после Елизаветы только Екатерина была способна управлять Россией). Однако главные черты происходившего обрисованы, по-видимому, верно: Екатерина, стремившаяся искусственным покаянием разжалобить императрицу; Елизавета, легко переходившая от сентиментальных слез к грозным напоминаниям о пытках; словесная дуэль Екатерины и Петра, ширма в комнате, за кото-

¹⁸ Там же, стр. 431.

¹⁹ Там же, стр. 433—437.

рой прячется фаворит... Вся сцена любопытна для понимания истории верхов, развития российского абсолютизма, «где нет вторых: только первый и все остальные...».

Вот рассказ самой Екатерины: «Около половины второго ночи граф Александр Шувалов вошел в мою комнату и сказал, что императрица требует меня к себе. Я встала и пошла за ним. Мы прошли через передние, где никого не было. Подходя к двери в галерею, я увидела, что великий князь прошел в противоположную дверь, направляясь, как и я, к ее императорскому величеству [...]. Наконец, дойдя до покоев ее величества, где застала великого князя, я бросилась перед императрицей на колени и стала со слезами и очень настойчиво просить ее отослать меня к моим родным. Императрица захотела поднять меня, но я оставалась у ее ног. Она показала мне более печальной, чем гневной, и сказала мне со слезами на глазах: «Как вы хотите, чтобы я вас отослала? Не забудьте, что у вас есть дети». Я ей ответила: «Мои дети в ваших руках, и лучше этого ничего для них не может быть; я надеюсь, что вы их не покинете». Тогда она мне возразила: «Но как объяснить обществу причину этой отсылки?» Я ответила: «Ваше императорское величество скажете, если найдете нужным, о причинах, по которым я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя». Императрица сказала: «Чем же вы будете жить у ваших родных?» Я ответила: «Тем, чем жила прежде, до того, как вы удостоили взять меня». Она мне на это возразила: «Ваша мать находится в бегах, она была вынуждена покинуть свою родину и уехать в Париж». На это я сказала: «Я это знаю, ее считают слишком преданной интересам России, и король прусский стал ее преследовать». Императрица вторично велела мне встать, что я и сделала, и немного отошла от меня в задумчивости. Комната, в которой мы находились, была длинная и имела три окна, между которыми стояли два стола с золотыми туалетными принадлежностями императрицы, в комнате были только она, великий князь, Александр Шувалов и я; против окна стояли широкие ширмы, перед которыми поставили канapé. Я заподозрила сразу, что за этими ширмами находится, наверное, Иван Шувалов, а может быть, также и граф Петр Шувалов, его двоюродный брат. Впоследствии я узнала, что отчасти отгадала верно и что Иван Шувалов там находился. Я стала около туалетного стола, ближайшего к двери, через которую я вошла, и заметила, что в золотом тазу на туалет лежали сложенные письма. Императрица снова подошла ко мне и сказала: «Бог мне свидетель, как я плакала, когда при вашем приезде в Россию вы были больны, при смерти, и если бы я вас не любила, я вас не удержала бы здесь». Эти слова означали, по-моему, извинение за то, что я сказала о ее немилости ко мне. Я на это ответила, благодаря ее императорское величество за все милости и доброту, которые она мне выказала и тогда и теперь, и говоря, что воспоминание о них никогда не изгладится из моей памяти и что я всегда буду смотреть как на величайшее несчастье на то, что подверглась ее немилости. Тогда она подошла ко мне еще ближе и сказала: «Вы чрезвычайно горды. Вспомните, что в Летнем дворце я подошла к вам однажды и спросила вас, не болит ли у вас шея, потому что увидела, что вы мне едва кланяетесь и из гордости поклонились мне только кивком головы». Я ей ответила: «Боже мой, ваше императорское величество, как вы можете думать, что я хотела выказать гордость перед вами? Клянусь вам, мне никогда в голову не приходило, что этот вопрос, сделанный вами четыре года назад, мог относиться к чему-либо подобному». На это императрица сказала: «Вы воображаете, что никого нет умнее вас». Я ей ответила: «Если бы я имела эту уверенность, ничто большее не могло бы меня в этом разуверить, как мое настоящее положение и даже этот самый разговор, потому что вижу, что я по глупости до сих пор не поняла, что вам угодно было мне сказать четыре года тому назад». Великий князь, между тем как императрица разговаривала со мной, шептался с графом Александром Шуваловым. Она это заметила и пошла к ним; они оба стояли почти посредине комнаты. Я не слишком хорошо слышала, что говорилось между ними, — они не очень громко говорили, комната была большая, — но под конец я услышала, как великий князь сказал, возвышая голос: «Она ужасно злая и очень упрямая». Тогда я увидела, что дело идет обо мне, и обращаясь к великому князю, сказала ему: «Если вы обо мне говорите, то я очень рада сказать вам в присутствии ее императорского величества, что действительно я зла на тех, кто вам советует поступать со мною несправедливо, и что я стала упрямой с тех пор, как я вижу, что мои убеждения ни к чему другому не ведут, как к вашей ненависти». Он стал говорить императрице: «Ваше величество, Вы видите сами, какая она злая, по тому, что она говорит». Но на императрицу, которая была гораздо умнее великого князя, мои слова произвели совсем другое впечатление. Я видела ясно, что, по мере того как разговор подвигался, ее настроение постепенно смягчалось, помимо ее воли и решений. Она обратилась, однако, к великому князю и сказала: «О, вы не знаете всего, что она мне сказала о ваших советчиках и против Брокдорфа [...]. Это должно показаться великому князю форменной изменой с моей стороны; он не знал ни слова о моем разговоре с императрицей в Летнем дворце и увидел, что его Брокдорф, который стал ему так мил и дорог, обвинен в глазах императрицы, да еще мною: это означило больше, чем когда-либо, нас поссорить, может быть, сделать непримиримыми врагами, лишить меня навсегда доверия великого князя. Я почти остолбенела, услышав, как императрица рассказывает в моем присутствии то, что я ей сказала и думала сказать для блага ее племянника, и как она обращает это в смертоносное оружие против меня. Великий князь, очень удивленный этим сообщением, сказал: «А, вот анекдот, которого я не знал. Он хорошо и доказывает ее злость». Я думала про себя: «Бог

знает, чью злость он доказывает». От Брокдорфа императрица неожиданно перешла к отношениям между [министром] Штамбеке и графом Бестужевым, которые были открыты, и сказала мне: «Сами посудите, как можно извинить Штамбеке за то, что он имеет сношения с государственным узником». Так как в этом деле мое имя не появлялось, я промолчала, принимая эти слова как ко мне не относящиеся. Здесь императрица подошла ко мне и сказала: «Вы вмешиваетесь во многие вещи, которые вас не касаются. Я не посмела бы делать того же во времена императрицы Анны. Как, например, вы посмели посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?» Я ей ответила: «Я? Никогда мне и в голову не приходило посылать ему приказания». «Как,— сказала она,— вы можете отрицать, что писали? Ваши письма тут, в этом тазу (она показала мне их пальцем). Вам запрещено писать».

Тогда я ей сказала: «Правда, что я нарушила запрет и прошу в этом прощения, но так как мои письма тут, то эти три письма могут доказать вашему императорскому величеству, что я никогда не посылала ему приказаний, но что в одном из писем я сообщила, что говорят об его поведении». Здесь она меня прервала: «А почему вы это ему писали?» Я ответила: «Просто потому, что я принимала участие в фельдмаршале, которого очень любила; я просила его следовать вашим приказаниям; остальные два письма содержат только поздравление с рождением сына и пожелания на Новый год». На это императрица мне сказала: «Бестужев говорит, что было много других». Я ответила: «Если Бестужев это говорит, то он лжет». «Ну, так если он лжет на вас,— сказала она,— я велю его пытать». Она думала этим напугать меня, я ей ответила, что в ее полной власти делать то, что она находит нужным, но что я все-таки написала Апраксину только эти три письма. Она замолчала и, казалось, соображала.

Я привожу самые разные черты этого разговора, которые остались у меня в памяти, но я не могу вспомнить всего, что говорилось в течение полутора часов, пока он продолжался. Императрица ходила взад и вперед по комнате, то обращаясь ко мне, то к своему племяннику, а еще чаще к графу Александру Шувалову [...]. Я уже сказала, что замечала в ее императорском величестве меньше гнева, чем озлобленности. Что же касается великого князя, то он проявил во время этого разговора много неприязни, желчи, раздражения против меня; он старался, как только мог, раздражить императрицу против меня; но так как он принижен за это глупо и проявил больше горячности, нежели справедливости, то он не достиг своей цели: ум и проницательность императрицы стали на мою сторону. Она слушала с особенным вниманием и некоторого рода невольным одобрением мои твердые и умеренные ответы на выходявшие из границ речи моего супруга, по которым было видно ясно, что он стремится очистить мое место, дабы поставить на него, если это возможно, свою любовницу (Елизавету Воронцову). Это было не по вкусу императрице, попасть под власть Воронцовых вряд ли входило и в расчеты господ Шуваловых. Однако эти соображения превышали мыслительные способности его императорского высочества, который верил всегда всему, чего желал, отстраняя всякую мысль противную той, что над ним господствовала. И он так старался, что императрица подошла ко мне и сказала вполголоса: «Мне надо будет многое вам еще сказать, но я не могу говорить, потому что я не хочу вас ссорить еще больше»; глазами и головой она показала мне, что это было из-за присутствия остальных. Видя этот знак душевного доброжелательства, который мне посылался в столь критическом положении, я была сердечно тронута и сказала очень тихо: «И я также не могу говорить, хотя мне чрезвычайно хочется открыть вам свое сердце и душу». Я увидела, что эти слова произвели на нее сильное и благоприятное впечатление. У нее показались слезы на глазах, и, чтобы скрыть, до какой степени она взволнована, она нас отпустила, говоря, что очень поздно, и действительно было около трех часов утра²⁰. Решающее «сражение» Екатерина выиграла.

В «Записках» Екатерины, особенно в разделах, посвященных большим и малым переворотам, фактически выдвигается программа нового типа взаимоотношений между самодержавным государством и тем классом, на который это государство опиралось. Начиная с Екатерины II большие и малые перевороты практически прекращаются. Отношения самодержавия с дворянством приобретают более «цивилизованные формы». Можно констатировать, что с 1762 г. (исключая пятилетнее царствование Павла I) в России прекратились аресты министров и других крупных сановников и резко смягчились карательные меры против дворянства (что не мешало, разумеется, осуществлению жестоких расправ с дворянскими революционерами). Гражданское положение дворянства со времени правления Екатерины II улучшается по сравнению с первой половиной XVIII века. Все льготы, доставшиеся дворянству, были, конечно, оплачены народом. Около миллиона государственных крестьян, розданных помещикам, значительное увеличение оброка и барщины за вторую половину XVIII столетия, каторжные работы за жалобу на помещика, расправа с участниками многочисленных крестьянских восстаний (из которых крестьянская война под руководством Пугачева была лишь самой значительной) — таковы наиболее заметные признаки непререваемого крепостнического наступления на крестьян, сопровождавшего «дворянские вольности». Однако без нескольких десятилетий екатерининского и александровского «просвещенного абсолютизма» не могла бы появиться в русском дворянстве значительная группа людей, до-

²⁰ Там же, стр. 449—455.

статочно свободных и независимых, чтобы прийти к мысли о необходимости борьбы с этим самым абсолютизмом.

Екатерина II еще доживала в беспамятстве последние часы, а Павел уже «принимал дела». Существует легенда, впрочем, весьма правдоподобная, будто великий князь Александр вместе с Растопчиным и Александром Куракиным обнаружили и тут же в страхе уничтожили завещание императрицы, передававшее престол внуку, Александру, минуя сына, Павла. Между секретными бумагами императрицы были и ее незаконченные мемуары с посвящением: «Сыну моему Павлу Петровичу...» Вместе с мемуарами Павел обнаружил и письмо Алексея Орлова, извещавшее Екатерину II о «нечаянном» убийстве Петра III. Это открытие вызвало у Павла I радость, ибо оно свидетельствовало, что мать не отдавала по крайней мере прямого приказа об убийстве отца.

С этого времени в истории «Записок» Екатерины начался второй период — от смерти автора до завоевания их русской печатью. С 1796 по 1858 г. «Записки» Екатерины — секретный государственный документ, который власть имущие держат в глубокой тайне. Однако даже последовательными усилиями Павла I, Александра I, Николая I и Александра II эту тайну сохранить не удалось. Основная версия истории мемуаров после смерти Екатерины II изложена в уже упоминавшемся анонимном предисловии к герценовскому изданию. «Тетрадь резко обрывается около конца 1759. Говорят, что были отрывочные заметки, которые могли служить материалами для продолжения. Есть люди, которые говорят, что Павел бросил их в огонь: относительно этого нет уверенности. Павел держал в большом секрете рукопись своей матери и доверил ее лишь другу своего детства, князю Александру Куракину. Последний снял с нее копию. Спустя двадцать лет после смерти Павла Александр Тургенев и кн. Михаил Воронцов получили копии с экземпляра Куракина. Император Николай, прослышав об этом, приказал секретной полиции забрать все копии. Между прочим, была одна копия, писанная в Одессе рукой знаменитого поэта Пушкина. Действительно, «Записки» Екатерины II больше не появлялись в обращении. Император Николай приказал графу Д. Блудову принести себе оригинал, прочел его, запечатал его большой государственной печатью и приказал хранить его в императорских архивах среди самых секретных документов [...]. Во время Крымской войны архивы были привезены в Москву. В марте 1855 г. нынешний император приказал принести себе рукопись для прочтения. С этих пор одна или две копии вновь появились в обращении в Москве и в Петербурге»²¹.

До сих пор еще не ясны все тайные пути, какими распространялись списки мемуаров Екатерины II. Без сомнения, приведенные выше строки написаны осведомленным человеком. Когда много лет спустя, в 1900 г., в присутствии президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича был распечатан пакет секретных бумаг Екатерины II, ученые, возглавлявшие академическое издание сочинений императрицы, обнаружили на бумагах заглавия и пометы, сделанные рукой Д. Н. Блудова. Из этого следует, что член литературного кружка «Арзамас», автор «Донесения тайной следственной комиссии» по делу декабристов, сановник Николая I действительно приводил в порядок засекреченные мемуары. Тетрадь воспоминаний в красном сафьяновом переплете с надписью «au prince Alexandre de Courakine» подтверждает еще одно указание «анонима». Сохранилось также свидетельство императрицы Марии Федоровны о получении в 1824 г. копии записок от брата Александра Куракина князя Алексея Куракина²².

Николай I, не любивший свою бабуку и считавший, что она «позорит род», стремился конфисковать все списки. Характерно, что наследник Николая прочел мемуары прабабуки лишь тогда, когда стал императором Александром II: до этого Николай запрещал своим родственникам знакомиться с «позорным» документом (великая княгиня Елена Павловна получила копию мемуаров от А. С. Пушкина, который 8 января 1835 г. записал: «Великая княгиня взяла у меня «Записки» Екатерины II и сходит от них с ума»). Однако вопреки всем запретам списки распространялись.

История знакомства А. С. Пушкина с «Записками» Екатерины II давно интересует исследователей. Долгое время считали, что поэт прочитал «Записки» еще в Одессе, однако в 1949 г. при разборе рукописей, входивших в состав библиотеки Зимнего дворца, была обнаружена копия мемуаров — два переплетенных тома, — сделанная на бумаге с водяным знаком «1830». Первые несколько строк были списаны рукою Натальи Николаевны Пушкиной, затем следовал писарский текст. На форзаце обоих томов рукою А. С. Пушкина помечено: «А. Пушкин». По-видимому, пушкинская копия была сделана не в Одессе, а в Москве или Петербурге, в 1831—1832 гг., с экземпляра, принадлежавшего А. И. Тургеневу²³. В 1837 г. Николай I, увидев в списке бумаг погибшего А. С. Пушкина «Мемуары Екатерины II», наложил резолюцию: «Ко мне». Так пушкинская копия попала в библиотеку Зимнего дворца (на обоих томах копии поставлено: № 1 и № 2 — рукой начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта).

²¹ «Записки императрицы Екатерины II». Изд. Искандера. Перевод с французского. Лондон. 1859, стр. V—VIII.

²² «Сочинения императрицы Екатерины II». Т. XII, стр. 740.

²³ См. М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М. 1962, стр. 294—295; В. В. Данилов. Новейшая публикация автографов Пушкина. Сборник «Пушкин. Исследования и материалы». Т. I. М.—Л. 1956, стр. 378.

Таким образом, в 30—50-х годах XIX в. русское общество уже слышало о мемуарах императрицы, но почти никто не читал их. А. И. Герцен писал: «Константин Арсеньев [...] говорил мне в 1840 г., что им получено было разрешение прочесть множество секретных бумаг о событиях, происходивших в период от смерти Петра I и до царствования Александра I. Среди этих документов ему разрешили прочесть «Записки» Екатерины II (он преподавал тогда новую историю великому князю, будущему наследнику престола)»²⁴. Стремление передовой русской общественности раскрыть государственные тайны, темные факты и обстоятельства, которых власти стыдились и пытались скрыть, было весьма характерно для русского освободительного движения. Публикуя записки И. В. Лопухина, А. И. Герцен писал: «Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным. Времена татарского ига и московских царей нам несравненно знакомее царствований Екатерины, Павла. История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и риторичу подобострастия»²⁵.

В этой борьбе казенной тайны и гласности Вольная русская типография одержала ряд решительных побед над самодержавием: кроме громадного количества материалов о современных злоупотреблениях и государственных тайнах, было издано значительное количество воспоминаний и документов о декабристах, петрашевцах, об убийстве Павла I, о временах Екатерины II и Александра I. Благодаря герценовским изданиям были обнаружены запрещенные материалы, вышедшие из-под пера таких различных (и одинаково преследуемых) исторических деятелей как А. Н. Радищев и М. М. Щербатов, И. Д. Якушкин и М. С. Лунин, И. В. Лопухин и В. Н. Каразин, Е. Р. Дашкова и Н. С. Мордвинов. Среди этих открытий вольной печати видное место принадлежит мемуарам Екатерины II. А. И. Герцен сохранил тайну приобретения и обнаружения «семейного» документа самодержавия, прошло много времени, прежде чем удалось узнать об этом некоторые подробности.

Первые об истории публикации «Записок» написала в 1894 г. Н. А. Тучкова-Огарева: «В 1858 г. [...] приехал к Александру Ивановичу один русский N. N. Он был небольшого роста и слегка прихрамывал. Герцен много с ним беседовал. Кажется, он был уже известен своими литературными трудами [...]. После его первого посещения Герцен сказал Огареву и мне: «Я очень рад приезду N. N., он нам привез клад, только про это ни слова, пока он жив. Смотри, Огарев,— продолжал Герцен, подавая ему тетрадь,— это записки императрицы Екатерины II, писанные ею по-французски; вот и тогдашняя орфография — это верная копия». Когда записки императрицы были напечатаны, N. N. был уже в Германии и никто не узнал об его поездке в Лондон [...]. Из Германии он писал Герцену, что желал бы перевести записки эти на русский язык. Герцен с радостью выслал ему один экземпляр, а через месяц перевод был напечатан Чернецким; не помню, кто перевел упомянутые записки на немецкий язык и на английский; только знаю, что записки Екатерины II явились сразу на четырех языках и произвели своим неожиданным появлением неслыханное впечатление по всей Европе. Издания быстро разошлись. Многие утверждали, что Герцен сам написал эти записки; другие недоумевали, как они попали в руки Герцена. Русские стремились только узнать, кто привез их из России, но это была тайна, которую, кроме N. N., знали только три человека, обшившиеся молчанию при Николае»²⁶.

«Три человека, наученные молчанию при Николае», — возможно, Герцен, Огарев и сама Тучкова-Огарева. О том, кто такой N. N., в конце XIX — начале XX в. начинали догадываться. Публикуя сообщение Н. А. Тучковой-Огаревой, что корреспондента А. И. Герцена «уже нет на свете», А. Н. Пыпин и Я. Л. Барсков сделали примечание: «Автор «Воспоминаний» ошибается»²⁷. «Подозрения» специалистов пали на известного историка, издателя «Русского архива» П. И. Бартенева (1829—1912). Действительно, когда публиковались воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой и академическое издание «Записок» Екатерины II, П. И. Бартнев был еще жив. Позже мнение о П. И. Бартневе как корреспонденте А. И. Герцена выдвигал М. П. Алексеев²⁸ (подчеркивалось, что П. И. Бартнев был как раз маленького роста и прихрамывал). В 1951 г. Л. Б. Светлов обратил внимание на подробный рассказ в дневнике Бартенева о вскрытии секретного архивного сейфа, производившемся Ф. Ф. Гильфердингом в 1855 г. по поручению Александра II. Гильфердинг как раз разыскивал для нового царя «Записки» Екатерины II, а Бартнев, служивший в Архиве иностранных дел, очевидно, помогал Гильфердингу в розысках и имел возможность снять копию²⁹. К этому следует добавить, что Бартнев был близок с семьей Гильфердингов и мог получить соответствующее разрешение от самого Ф. Ф. Гильфердинга, главного архивариуса империи.

²⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XIII, стр. 379.

²⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XIV, стр. 296.

²⁶ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л. 1929, стр. 218—220.

²⁷ См. «Сочинения императрицы Екатерины II». Т. XII, стр. 709.

²⁸ М. П. Алексеев. Пушкин и библиотека Воронцова. «Пушкин. Статьи и материалы». Вып. II. Одесса. 1926, стр. 96—97.

²⁹ Л. Б. Светлов. Из розысканий о деятельности А. И. Герцена. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII, № 6, 1951, стр. 542—544.

Новые архивные изыскания позволяют уточнить и в то же время «запутать» изложенную гипотезу. Без сомнения, поездка П. И. Бартенева и первые известия о публикации «Записок» Герценом совпадают во времени: сначала П. И. Бартенев прибыл в Лондон в августе 1858 г. (и соответственно в сентябре, в № 23—24 «Колокола», появилось первое сообщение о полученных «Записках»). Затем, судя по переписке П. И. Бартенева, он отправился в Германию, Бельгию, Францию (это совпадает с сообщением Н. А. Тучковой-Огаревой). В начале ноября 1858 г. Бартенев на короткое время снова появился в Лондоне и отправился на родину, захватив письмо А. И. Герцена И. С. Аксакову от 8 ноября 1858 года³⁰. П. И. Бартенев всю жизнь занимался историей Екатерины II, его даже называли в шутку «последним фаворитом императрицы». В его печатных сочинениях то и дело проскальзывают намеки на хорошо известные ему «Записки». В 1868 г., например, П. И. Бартенев писал: «Покойный граф Д. И. Блудов передавал нам, что ему при разборе архивов Зимнего дворца случилось читать неизданную собственноручную тетрадь Екатерины II на французском языке [...], содержащую в себе подробные ее рассказы о рождении, детстве и вообще о жизни ее до приезда в Россию»³¹. Правда, с годами П. И. Бартенев стал человеком весьма умеренных, консервативно-монархических взглядов. Вероятно, воспоминания о «грехах молодости» не слишком радовали историка, что хорошо видно из следующего эпизода: 19 октября 1905 г. М. К. Лемке запрашивал П. И. Бартенева: «Из рассказа покойного Пыпина мне известно, что «Записки Екатерины II» к Герцену привезены были вами. Если это верно, то не позволите сказать об этом в печати?»³². 22 октября 1905 г. П. И. Бартенев отвечал: «Прошу вас не оглашать в печати, будто я привез Герцену записки Екатерины II. Это может мне повредить у некоторых лиц. К тому же оно вполне неверно. Покойный А. Н. Пыпин (как и князь А. Б. Лобанов) были введены в заблуждение записками Огаревой [...]. Я занимался много записками Екатерины, с которыми меня познакомил Т. Н. Грановский по списку, полученному им от Раевских. В марте 1856 г. они ходили уже по рукам [...]. И не мудрено, что Огарева меня смешала, увидев меня у Герцена в одно время с другим лицом, тоже ходившим на костюях»³³.

Ссылки П. И. Бартенева на Грановского и Раевских, конечно, заслуживают внимания, но любопытно, что П. И. Бартенев не отрицает самого факта встречи с А. И. Герценом. Вряд ли, однако, А. Н. Пыпин судил о роли П. И. Бартенева со слов Н. А. Тучковой-Огаревой: как раз в 1858 г. и позже, А. Н. Пыпин сам посещал А. И. Герцена и мог кое-что знать «из первых рук». Говоря о другом «хромом посетителе» Герцена, П. И. Бартенев, возможно, намекает на Н. А. Орлова, русского дипломата, действительно посещавшего А. И. Герцена и передававшего ему в 1857—1858 гг. различные материалы³⁴. Переписка Лемке и Бартенева пока не может изменить мнения о причастности последнего к пересылке в Лондон мемуаров императрицы, хотя многие детали все же не ясны и требуют уточнений³⁵.

После 1859 г. начался третий период истории «Записок» Екатерины II. Мемуары, изданные А. И. Герценом, неоднократно перепечатывались на Западе (только «Русская библиотека» Э. Каспровича в 70—80-х годах пять раз переиздала текст воспоминаний на русском языке).

«Записки» постепенно становились историографическим фактом: их использовали Сент-Бев, Мишле, Рамбо и другие западные историки. Но, несмотря на это, в России они находились под запретом. Так, в 1869 г. цензор возражал против одного места в статье П. К. Щербальского: «Записки Екатерины II, изданные за границей Герценом, имели то особенное неудобство, что в них сама Екатерина создавала и подтверждала, что Павел I обязан своим рождением не Петру III. Это показание выпущено в помещаемой теперь статье Щербальского [...]. Щербальский, однако, подтверждает подлинность записок. Для тех, кто читал герценовские издания записок, признание их подлинными будет доказательством незаконности рождения Павла, и следовательно, и всей династии [...]. Этот документ получил, к сожалению, через Н. Тургенева (?) и Герцена большую огласку в России»³⁶. И все же ссылки на мемуары Екатерины II и отдельные цитаты из них просачивались как в издания П. И. Бартенева, так и в труды С. М. Соловьева, А. Г. Брикнера, особенно В. А. Бильбасова. Насколько боялись власти откровений Екатерины, свидетельствуют те препоны, которые они чинили серьезно-

³⁰ См. Н. Я. Эйде ль м а н. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М. 1966, стр. 90—91.

³¹ «Осьмнадцатый век». Кн. I. М. 1868, стр. 5.

³² ЦГАЛИ, ф. 46 (П. И. Бартенева), оп. I, ед. хр. 597.

³³ Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ — Пушкинский дом), ф. 66 (М. К. Лемке), ед. хр. 123.

³⁴ См. А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XXVI, стр. 362.

³⁵ С. А. Переселенков, редактор и комментатор «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой, сообщил в примечании, что пытался точнее выяснить роль П. И. Бартенева в публикации «Записок» Екатерины: «Однако близкое к последнему лицу, к которому я по поводу этого обратился с вопросом, категорически ответило мне отрицательно» (см. Н. А. Тучков а-О г а р е в а. Указ. соч., стр. 220).

³⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 381, ед. хр. 18, л. 317. Сообщено автору статьи И. А. Желваковой.

му исследованию В. А. Бильбасова. 19 декабря 1891 г. Главное управление по делам печати запретило две части его книги «История Екатерины II» «по оскорбительности для памяти царствующих особ империи последней половины XVIII века». Работа В. А. Бильбасова по своему характеру не подлежала предварительной цензуре, но по особому распоряжению министра внутренних дел И. Н. Дурново для нее было сделано исключение, и готовую книгу (3 тыс. экземпляров) задержали в типографии³⁷. Праправнук Екатерины Александр III пожелал лично ознакомиться с мемуарами, после чего наложил на них «дополнительный запрет».

Узнав о содержании второго тома «Истории Екатерины II» В. А. Бильбасова, Александр III решил, как рассказывает Е. М. Феокистов, «отобрать у него через полицию эти материалы, по крайней мере те из них, которые он заимствовал в Государственном архиве». «Недоставало бы только этого!» — восклицает Феокистов. Однако даже И. Н. Дурново восстал против подобной меры³⁸. Лишь после революции 1905 г., ослабившей цензурный террор, появилась возможность перепечатать в России текст «Записок» Екатерины, изданный А. И. Герценом. Вслед за первыми изданиями последовало много других. В 1907 г. вышел последний, XII том академического издания сочинений Екатерины II. В нем впервые были опубликованы все основные редакции и отдельные библиографические отрывки, составившие вместе «Автобиографические записки императрицы Екатерины II». Однако редактор этого издания А. Н. Пыпин скончался в 1904 г., так и не успев завершить большую комментаторскую работу над «Записками». Я. Л. Барсков сообщал в предисловии к XII тому: «Покойный редактор академического издания сочинений императрицы Екатерины II не оставил указаний на взаимное отношение разных редакций «Автобиографических записок», а в устных беседах с ним этот вопрос оставался открытым. Предполагалось значительно расширить вторую половину XII тома ссылками на источники, имеющие ближайшее отношение к «Запискам»: широко воспользоваться перепиской императрицы, дать в особом дополнительном томе facsimile важнейших автографов и таким путем выяснить не только порядок, в каком шла работа по составлению «мемуаров», но также их историко-литературный и психологический интерес. Смерть А. Н. Пыпина воспрепятствовала осуществлению этого плана. Под его редакцией при участии Е. А. Ляцкого напечатан лишь текст «Записок»³⁹.

Любопытно, что даже в научном, академическом издании, где помещался текст «Записок» на французском языке, было сделано несколько купюр (впрочем, восстановленных при переводе академического издания на русский язык в суворинском издании 1907 г.).

Так завершилась тайная история мемуаров Екатерины II — история более чем вековой борьбы, участниками которой были Пушкин, Герцен, Карамзин, А. Тургенев, Пыпин и другие писатели, историки, общественные деятели.

³⁷ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 152 (К. А. Военского), оп. 3, ед. хр. 280, 281. После запрещения своего труда в России В. А. Бильбасов издал «Историю Екатерины II» на русском языке в Берлине (1900 г.).

³⁸ ИРЛИ, ф. Б. М. Феокистова, ЛII б. 14, л. 25. Дневниковая запись 11 января 1891 года. Заимствовано, с согласия П. А. Зайончковского, из подготовленной им книги «Российское самодержавие в конце XIX столетия».

³⁹ «Сочинения императрицы Екатерины II». Т. XII, стр. XII—XIII.